

ИСТОЧНИКИ ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ ОТРИЦАНИЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ: РУССКИЙ И СЛОВЕНСКИЙ

Полина А. Бычкова

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики/
Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani¹
Москва, Россия*

Ключевые слова: прагматикализация, Грамматика конструкций, дискурсивные формулы, отрицание

Аннотация: В статье на материале словенского и русского языков рассматриваются особые конструкции разговорной речи – дискурсивные формулы. Под дискурсивными формулами подразумеваются идиоматические реплики-ответы (ср. *Kje pa!* / *Gde tam!*), обладающие собственной иллокутивной силой, возникающей благодаря процессу прагматикализации. Цель их сравнения в родственных языках заключается в исследовании этого процесса: определении общих стратегий развития прагматического значения и выявлении точек расхождения. В статье на примере класса дискурсивных формул отрицания разбираются случаи когнатов, обладающих сходным значением, формул, имеющих похожую внутреннюю структуру, но различающихся в употреблении, а также несовпадающие источники возникновения схожих по употреблению реплик. Сравнение семантики и иллокутивной силы дискурсивных формул в обоих языках производится с применением техники Московской лексико-типологической группы, на данных параллельных корпусов и результатов опроса носителей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00240.

¹ В весеннем семестре 2020 автор находится в университете Любляны по программе обмена Erasmus+ International Credit mobility.

THE PRAGMATICALIZATION SOURCES OF DISCOURSE FORMULAE OF NEGATION FROM TYPOLOGICAL PERSPECTIVE: RUSSIAN AND SLOVENE

Polina Byčkova

*National Research University Higher School of Economics/
The Faculty of Arts, University of Ljubljana
Moscow, Russia*

Key words: pragmaticalization, Construction grammar, discourse formulae, negation

Summary: The paper discusses a special type of colloquial constructions – discourse formulae, in two languages, Russian and Slovene. The term discourse formulae is applied to the idiomatic multiword dialogical responses like Slovene *Kje pa!*, Russian *Где там!*, or English *As if!* that have their own illocutionary force which emerges through the diachronic process of pragmaticalization. The comparison of the inventory of discourse formulae in multiple languages, and, in particular, in closely related languages, allows to investigate the existing patterns of this process through finding the common strategies and discovering the differences in the development of the pragmatic meaning of a construction. The paper considers the Russian and Slovene discourse formulae that belong to the pragmatic class of negation and presents case studies that illustrate three different types of correlation of discourse formulae between two languages: namely, the full cognates – the discourse formulae with similar internal structure and usage, the false translation equivalents – the discourse formulae having similar internal structure and different function, and the sources of pragmaticalization that are unique for each language but have the same target meaning. The analysis of the semantic and pragmatic meaning of the discourse formulae in the two languages is based on the technique of Moscow Lexical Typology Group which includes the analysis of parallel corpora and the results of a native speakers survey.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00240.

Введение

В этой статье речь пойдет об особом типе разговорных единиц – дискурсивных формулах – как объектах для типологического сравнения. Дискурсивные формулы в нашем понимании – это один из классов конструкций, включающий в себя устойчивые ответные

реплики, подобные *Ну и ну!*, *Еще бы!*, *Да ладно!*, *Как сказать!* и пр. Исследованию этого класса посвящен наш проект, образовавшийся как ответвление от Русского конструкторского (см. Janda et al., 2018), цель которого заключается в собрании и описании русских конструкций.

От стандартных конструкций – и более центральных грамматических (например, дитранзитивной VP NP NP – *give me the book*), и обладающих значением, более близким к лексическому (ср. “covariational conditional construction” *the X-er, the Y-er – the more, the merrier*), дискурсивные формулы отличаются достаточно существенно. Конструкциям, как единицам, которые, с точки зрения теории Грамматики конструкций, являются центральными составляющими языка, приписываются два основных свойства: некомпозициональность (невозможность однозначно предсказать смысл конструкции, исходя только из значения отдельных слов и грамматических связей между ними) и схематичность – то есть, способность подставлять в так называемые *слоты* одного и того же шаблона разные элементы – *переменные*, и таким образом продуктивно использовать конструкцию (Fillmore, 1988). Эти два пункта соблюдаются: некомпозициональность (а зачастую и полная непрозрачность – ср. антонимы *Не говори!* и *Не скажи!* в Плунгян и др., 2019²) фиксированной части и обязательность существования переменной – предыдущего контекста, реакцией на который они выступают – являются для нас условием включения высказывания в класс дискурсивных формул. Например, рутинную (см. *routines*, Coulmas, 1981) фразу-поздравление *С Днем рождения!* сложнее назвать конструкцией из-за того, что ее употреблению как раз свойственно отсутствие всякого речевого контекста; тем временем, ответные реплики, подобные *Думаю, что да!* или *Я не согласна*, требуют непременно контекста слева, но не отвечают критерию некомпозициональности.

Тем не менее, дискурсивные формулы обладают набором специфических особенностей. Во-первых, значения этих конструкций всегда относятся к сфере прагматики – с некоторой долей условности их можно разделить на положительные (подтверждение, согласие и разрешение, удивление³ и безразличие) и отрицательные (отрицание,

² *Не скажи!* в русском языке выражает несогласие, а *Не говори!* – необорот, солидарность.

³ Формулы удивления делятся на две группы, одна из которых (простое удивление) – скорее положительный ответ, а другая (удивление-недоверие) – отрицательный.

отказ и запрет, недоверие) ответы. Разнообразие получается за счет того, что они дополняются некоторыми компонентами, имеющими отношение к коммуникативной ситуации: оценкой по отношению к обсуждаемой ситуации или собеседнику, ожиданиями говорящего и другими; о некоторых из них еще будет сказано позже.

Во-вторых, поскольку фиксированная часть формул сама представляет собой законченный речевой акт, их слоты выходят за пределы собственного высказывания говорящего. Если обычно переменная в конструкции представляет собой отдельное слово, синтаксическую группу или клаузу, то в данном случае это – целая реплика, и соответственно характеристики этой реплики, как смысловозначительного контекста, оказываются совершенно другими. Анализ употребления русских дискурсивных формул из автоматически составленного в Пужаева и др., 2018 списка, содержащего несколько сот таких конструкций, показал, что определяющим параметром для употребления той или иной формулы является иллокутивная сила предыдущей реплики, то есть, тип речевого акта – вопрос, предложение, предположение, комплимент и т.д. – см. Бычкова и др., 2019. Речевые акты как инструмент для описания контекста употребления используются и в подходе к описанию коммуникативов в работах И. А. Шаронова (см. Шаронов, 2018), а также в исследованиях репликовых частиц – см., например, Sorjonen, 2001.

Таким образом, разные формулы распределяются по отдельным типам контекстных речевых актов – некоторые тяготеют к одним, а некоторые – к другим (например, прототипический контекст для формул запрета, ср. *Ни в коем случае!* – это просьба дать разрешение, а в контексте просьбы их употребление невозможно). Это обстоятельство дает перспективы для применения списка дискурсивных формул как своего рода диагностики того, к какому типу речевого акта принадлежит высказывание. Более того, классификация высказываний, полученная при помощи проверки того, как они лингвистически маркируются ответными репликами, должна быть более приближена к когнитивной реальности, чем полученная при помощи чистого анализа, при условии, конечно, что учтены данные не одного, а большого количества разных языков (например, в пилотном исследовании Бычкова, 2020, в печати, были обнаружены различия в системах дискурсивных формул подтверждения в русском и словенском

языках⁴). Тогда изучение ответных конструкций могло бы стать одним из способов верификации и возможного уточнения теории речевых актов. Другой типологический путь такой верификации – построение типологии лексических обозначений для речевых актов (обещание, просьба, комплимент и т.д.) – предлагается в Wierzbicka, 1985; 1987. Было бы интересно сопоставить результаты, полученные этими двумя способами.

Помимо этой первой, более масштабной задачи выделить основные существенные для человеческого восприятия фреймы речевого взаимодействия и понять, как они систематизированы, исследование дискурсивных формул на материале нескольких языков имеет и другой теоретический смысл. Дело в том, что процесс образования этих единиц тоже отличается от формирования других конструкций: как из-за формального различия в их употреблении, так и из-за того, что они относятся к принципиально другой зоне значения. Из-за того, что формулы функционируют изолированно, основная стратегия их образования – «заморозка» и редукция полноценных, схематичных конструкций. Это, например, произошло с формулой *Не факт!*: переменная конструкции *не факт, что Cl*, изначально заполнявшаяся только синтаксически – придаточным предложением, получила способность заполняться прагматически, предыдущим высказыванием-стимулом (см. Жукова и др., 2019). С другой стороны, бывает так, что формула появляется из-за того, что некоторая отдельная, уже существовавшая законченная фраза стирается и приобретает свою прагматическую функцию. Например, частотная русская формула *Еще чего!*, которая сейчас выражает отказ и отрицание, очевидно, изначально восходит к сравнительно композициональному, нериторическому вопросу *Еще чего?*⁵ (имеется в виду употребление, как в примере 1, которые можно было бы перефразировать как ‘нужно ли еще что-нибудь?’). Ироническое употребление в другой коммуникативной ситуации превратило этот вопрос в формулу отказа (2), а затем и отрицания (3).

⁴ Прагматическая фразеология в словенском языке, за исключением работы Јакор 2006, еще недостаточно описанная тема.

⁵ В словенском есть когнат для *Еще чего!* *Še kaj!*, также выражающий отказ и отрицание и восходящий к такому же вопросу – *Še kaj?*. Интересно, что у словенской формулы есть вариант *Kaj še!*, который полностью прагматизирован и простым вопросом быть не может.

- (1) — *Что тебе надо для счастья? Чтоб не пил? — Чтоб не пил. — **Еще чего?** — Чтоб на работу шел, как все люди. Дмитрий Корнеевич сколько раз говорил... — И все?* [В. Ф. Панова. Ясный берег (1949)]
- (2) — *Выбросьте его, Ксения! — **Еще чего!** Сейчас я шоколадку ополосну, будет как новенькая!* [Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009]
- (3) — *Толково, — сказал начальник. — Твоя инициатива? — **Еще чего!** — сказал Юрий Петрович. — Сам удивляюсь, когда он все успел. — Кто? — Лесник мой. Егор Полушкин.* [Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей (1973)]

Этот процесс диахронического формирования единиц с прагматическим значением – прагматикализация (см. Diewald, 2011; Degand, Evers-Vermeul, 2015) – изучен в меньшей степени, чем грамматикализация (см. Heine, Kuteva, 2002). Чтобы лучше понять, как он происходит, можно было бы очертить круг возможных источников для конструкционализации дискурсивных формул с определенными значениями, выделить наиболее частотные (например, отказ → интенсивное отрицание, безразличие → согласие) и наоборот, маловероятные переходы. Опять же, для того, чтобы получить представление о том, как устроена прагматикализация в целом, недостаточно данных одного языка, поскольку в разных языках стратегии скорее всего будут разные (что не исключает возможности пересечений и даже существования некоторых универсальных). Этим вторая задача типологии дискурсивных формул – типология соответствий между их внутренней формой и значением – похожа на задачу «Каталога семантических переходов» (см. Anna Zalizniak, 2018).

Далее будет приведено несколько иллюстраций совпадения и расхождения в том, как соотносится значение и внутренняя форма русских и словенских дискурсивных формул отрицания. Нам хотелось бы показать, что сопоставление родственных языков в этой области представляет собой не меньший интерес, чем исследование выборки языков, далеких друг от друга генетически. Поскольку разговорные, а тем более прагматические единицы имеют свойство появляться и выходить из употребления быстрее других – буквально за пару столетий, см. об этом Жукова и др., 2019 – родство языков совсем не гарантирует большего совпадения систем (это понятно и по опыту конструкций – см. Rakhilina, Uhlik, 2021, в печати) и по опыту

лексической типологии, где родственные языки обнаруживают более значительные различия, чем в грамматической, см. Рахилина, Резникова, 2013). В такой ситуации существование общих стратегий, которые были бы характерны для родственных языков и не были бы свойственны другим, может говорить о том, что на них влияют более общие аспекты структуры языка, которые поддаются изменениям в меньшей степени.

Анкета

Исходным материалом для нас является список русских формул отрицания, для которых при помощи параллельного корпуса **InterCorp-12** были отобраны словенские переводные эквиваленты. Для сравнения значений формул двух языков нами производится анализ контекстов в их корпусных употреблениях (в том числе, в параллельных корпусах) а также опрос носителей, для которого используется анкета, составленная на основе списка русских дискурсивных формул и данных Русского национального корпуса НКРЯ по методике Московской лексико-типологической группы (см. Kortjevskaja-Tamm et al., 2016). В анкету для формул класса отрицания были включены контексты, в которых дискурсивные формулы являлись ответом на **предположение, оценочное суждение** (негативное или положительное) и **общий вопрос**. При этом, как показал русский материал, в случае предположения или вопроса значимым параметром может оказываться осведомленность говорящего в обсуждаемой проблеме: в одних случаях ответ-отрицание может быть догадкой, гипотезой – и тогда будут использоваться одни формулы, в других же говорящий может быть непосредственным источником информации по тому поводу, о котором заводит разговор собеседник (прототипический случай – собеседник задает вопрос или высказывает предположение о самом говорящем или событиях, очевидцем которых он был), и тогда круг ответных формул будет другим. К этим двум параметрам – речевому акту стимула и степени «экспертности» говорящего – могут добавляться и некоторые другие: так, в том, возможно ли употребить формулу в контексте, могут играть роль вторичный оценочный компонент или градуальность.

На этапе работы с русским материалом количество рассматриваемых параметров было сокращено до двух, стимульного речевого акта и степени уверенности говорящего. Общее представление о том, предпочитает ли формула положительную или отрицательную

оценку в предположениях и вопросах, можно получить из того, как она реагирует на речевые акты оценки. Градуальность же в контекстах была сбалансирована: все шесть выбранных для сравнения контекстов были градуальными. Таким образом вместо множества комбинаций разных параметров были выделены фреймы (см. Fillmore, 2006), каждый из которых был представлен своим контекстом (таблица 1).

Фрейм	Вхождение в анкете
<p>Опровержение Стимул: предположение Ответ: экспертное отрицание</p>	<p>– Думаю, съемки клипа обошлись дешево. – <i>_(ДФ)_!</i> В него вложили почти полмиллиона долларов.</p>
<p>Девалоризация Стимул: положительная оценка Ответ: отрицательная оценка</p>	<p>– Это очень интересная статья. – <i>_(ДФ)_!</i> Я даже пожалела, что время на нее потратила.</p>
<p>Защита Стимул: отрицательная оценка Ответ: положительная оценка</p>	<p>– Этот учебник совершенно бестолковый. – <i>_(ДФ)_!</i> В нем есть очень хорошие задания.</p>
<p>Экспертное отрицание Стимул: общий вопрос Ответ: экспертное отрицание</p>	<p>– А Люблина – большой город? – <i>_(ДФ)_!</i> – Всего 300 тысяч жителей.</p>
<p>Возражение Стимул: предположение Ответ: предположение</p>	<p>– Думаю, карантин скоро закончится. – <i>_(ДФ)_!</i> – Наверняка еще на месяц продлят.</p>
<p>Спекулятивное отрицание Стимул: вопрос Ответ: предположение</p>	<p>– Паша любит готовить? – <i>_(ДФ)_!</i> Кажется, он обычно заказывает доставку.</p>

Таблица 1. Вхождения анкеты дискурсивных формул отрицания

Опрос носителей проводился онлайн, в анкете предлагалось выбрать в перечне из 10 формул все те, которые возможно сказать в данном

контексте. Автоматический формат опроса позволил получить ответы значительно большего числа респондентов: всего анкету заполнили 105 носителей русского языка и 51 носитель словенского. Для сравнения далее будет использоваться показатель доли опрошенных, оценивших формулу как уместную в конкретном контексте.

В дальнейших частях статьи будут обсуждаться случаи разного соотношения между формулами двух языков, принадлежащими к одному полю. На их примере будет показан предлагаемый нами способ анализа. В части 3 будут даны примеры стратегического схождения прагматикализации. В части 4 будет приведен случай несовпадения значений у формул, имеющих близкую внутреннюю форму. В части 5 будет рассмотрен случай, где формулы, произошедшие из принципиально разных источников, сходятся в одном значении.

Общие источники

«Мягкое» отрицание

Одна из точек совпадения в инвентаре русских и словенских формул отрицания – формулы, которые в обоих языках используются для выражения мягкого отрицания: эквиваленты рус. **Я бы не сказал/а!** и сл. **Ne bi rekel/la!**. Эти формулы можно назвать доминантными: во всех контекстах анкеты более 50% опрошенных носителей (из 105 носителей русского и 50 носителей словенского) выбирали их в качестве подходящего ответа. Обе формулы встречаются в примерах, где выступают в качестве ответа на вопросы и предположения в тех случаях, где говорящий не обладает точной информацией о ситуации, которая обсуждается в диалоге (ср. 4), а также в случаях, когда говорящему известна вся необходимая для ответа информация, но в реплике собеседника, на которую реагирует дискурсивная формула, речь идет о градуальной ситуации – то есть, такой, которая может проявляться в разной степени, ср. (5).

- (4) – *Je kdo zamenjal ključe? – Sigurno. – Ne bi rekel. [Drowning Mona]*
– ‘Кто-то подменил ключи? – Определенно. – Я бы не сказал’.
- (5) – *Nočete pogledati kasete? Vas ne zanima? – Zanima? Ne bi rekel. [The Ring]*
– ‘Вы не хотите посмотреть кассету? Вам не интересно? – Интересно? Я бы не сказал’.

В каком-то смысле, когда говорящий признает, что у него отсутствуют точные сведения и что он, склоняясь к отрицательному ответу, не гарантирует того, что ответ может оказаться и положительным – это тоже проявление градуальности, просто градуируется не степень соответствия высказывания собеседника действительности, а степень собственной уверенности говорящего в своем ответе.

Использование обеих формул в экспертных контекстах без градуальности невозможно, ср. ответ на неградуальный вопрос о самом говорящем:

- (6) *A si bila v Trstu? – *Ne bi rekla. Nisem še imela časa.*
*Ты была в Триесте? – *Я бы не сказала. Еще не успела.*

Важно также то, что и русская, и словенская формулы одинаково нейтральны с точки зрения оценки: показатели в фрейме девалоризации и защиты в обоих случаях сопоставимы, см. таблицу 2, а также примеры ответа на отрицательную (7) и положительную (8) оценку:

- (7) – *Študirala sem poezijo in kemijo. Očitno mi je drugo šlo bolje. – Ne bi rekel. Všeč mi je bilo tvoje pisanje. [Sex and Death 101]*
‘– Я изучала поэзию и химию. Очевидно, последняя мне давалась лучше. – Я бы не сказал. Мне понравилось то, что ты пишешь’.
- (8) – *Ti zvoni v ušesih? Vidiš močno svetlobo, slišiš glasove? Kar dobro sem, hvala. – Ne. Ne bi rekel. Razumen človek ne bi naredil to kar si ti. [Breaking Bad]*
‘– У тебя в ушах не звенит? В глазах не мелькает? Не слышишь голоса? – Со мной все вполне нормально, спасибо. – Нет. Я бы не сказал. Человек в здравом уме не совершил бы того, что ты сделал’.

Фрейм	<i>Я бы не сказал/а!</i>	<i>Ne bi rekel/la!</i>
Опровержение Стимул: предположение Ответ: экспертное отрицание	59 %	63 %
Девалоризация Стимул: положительная оценка Ответ: отрицательная оценка	78 %	67 %
Защита Стимул: отрицательная оценка Ответ: положительная оценка	79 %	62 %
Экспертное отрицание Стимул: общий вопрос Ответ: экспертное отрицание	84 %	63 %
Возражение Стимул: предположение Ответ: предположение	52 %	86 %

Таблица 2. Распределение формул *Я бы не сказал/а* и *Ne bi rekel/la* по фреймам анкеты, % выбравших формулу респондентов.

Однако в таблице 2 заметны и некоторые различия в распределении. Так, например, самый частотный контекст для *Ne bi rekel/la!*, **неуверенное** возражение на **предположение**, как раз наименее частотен в русском, несмотря на то, что **неуверенный ответ на вопрос** есть и там, и там. Ср. словенские примеры возражения на предположение, где более удачным переводом для *Ne bi rekel/la!* было бы не *Я бы не сказал/а*, а *Не думаю* или *Вроде нет*:

- (9) *Mogoče pa on grozi vasi. Morda so me Minimojčki zato poklicali?*
– *Ne bi rekel.* [Arthur and the Revenge of Maltazard]
‘– *Может быть, он угрожает деревне? Может быть, Минимойчики меня поэтому позвали? – Я бы не сказал / Не думаю*’ [Arthur and the Revenge of Maltazard]
- (10) – *So v mestu zgradili novo letališče? – Ne bi rekel. Zakaj? – Tisto letalo na desni leti nizko in se spušča.* [The Cremation of Sam McGee: A Poem by Robert W. Service (фильм)]

‘– В городе построили новый аэродром? –?’ **Я бы не сказал / Вроде нет.** А что? – Там справа самолет низко летит и еще снижается’.

Заметим, что формула *Не думаю* используется только в тех контекстах, где ответ говорящему не известен наверняка, но не в экспертных и не оценочных, что говорит о том, что она не градуальна (подробнее об этой формуле будет говориться в следующей части). Формула же *Вроде нет* находится в промежутке между гипотетическим отрицанием и экспертным. Она с одной стороны подразумевает существование некоторого однозначного свидетельства, на которое говорящий опирается в своем ответе, но с другой стороны – допускает, что свидетельство может быть не абсолютно надежным, ср.:

- (11) — У вас до сегодняшнего дня проблемы были? — **Вроде нет.**? Не думаю. — На учете не состоите? — Нет, — твердо заверил Павел Николаевич. [Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)]

Еще заметнее более высокая степень уверенности *Вроде нет!* проявляется в таком диалоге:

- (12) [двое находятся в помещении] – Мне кажется, кто-то стучит.
А) – [выглядывает за дверь, видит, что там никого нет] **Вроде нет!** / ***Не думаю!** * **Я бы не сказал!**
Б) – [не меняет положения] **Вроде нет!** / **Не думаю!**

Из этого можно заключить, что *Я бы не сказал/а!* выражает менее уверенное (и, соответственно, более градуальное) отрицание, чем *Ne bi rekel/la!*. Тогда это объясняет то, что она предпочитает контексты оценки и вопросов предположениям. Обмен оценочными мнениями не требует уверенности (и даже наоборот, формула неуверенности может быть использована там из соображений вежливости), а в контексте вопроса говорящего и вовсе просят высказать его точку зрения – и он практически вынужден отвечать, даже несмотря на отсутствие у него точных сведений и уверенности в правильности его догадки. Если же собеседник высказывает предположение, говорящему требуются более веские основания для того, чтобы на него возразить – и, видимо, в *Я бы не сказал/а* их оказывается недостаточно. Не исключено, что в большей субъективности русской формулы, чем словенской, сыграло

определенную роль присутствие выраженного местоимения (учитывая, что его пропуск в такой русской фразе возможен, и даже иногда встречается в корпусе в «формульных» употреблениях, ср. 13).

- (13) *Ваш отец увлекался искусством? — Не сказал бы. И фотографией тоже, так что это скорее всего подарок.*
[Дмитрий Биленкин. Все образы мира (1985)]

Неоднозначность

Другой пример общей стратегии – хоть и без полного совпадения внутренней формы – это формулы **Как сказать!** и **Kakor vzameš!** (букв. ‘как возьмешь’). См. их распределение по контекстам анкеты:

Фрейм	<i>Как сказать!</i>	<i>Kakor vzameš!</i>
Опровержение Стимул: предположение Ответ: экспертное отрицание	47 %	37 %
Девалоризация Стимул: положительная оценка Ответ: отрицательная оценка	32 %	25 %
Защита Стимул: отрицательная оценка Ответ: положительная оценка	23 %	24 %
Экспертное отрицание Стимул: общий вопрос Ответ: экспертное отрицание	54 %	55 %
Возражение Стимул: предположение Ответ: предположение	20 %	20 %
Спекулятивное отрицание Стимул: вопрос Ответ: предположение	25 %	0 %

Таблица 3. Распределение формул *Как сказать!* и *Kakor vzameš!* по фреймам анкеты, % выбравших формулу респондентов

Частотные контексты у обеих формул – экспертные ответы на градуальные вопросы, ср.:

- (14) — *А вас много?* — **Как сказать.** Два батальона. [Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)]

В этих случаях формула, однако, почти не выражает отрицание и больше похожа на уход от необходимости давать собственную оценку. Говорящий сообщает собеседнику известные ему сведения, предлагая последнему самому решать, много это или мало. В каком-то смысле, так формула переделывает речевой акт собеседника из общего вопроса (*Много ли X?*) в частный (*Сколько X?*): собеседник просит ответить ему «да» или «нет», а говорящий отвечает, что полярный ответ «да» или «нет» будет слишком субъективен, поэтому уточняет, конкретизирует его так, чтобы ответить более объективно. Когда неоднозначность возникает в оценочных вопросах, это тоже значит, что говорящий затрудняется с ответом ср.:

- (15) — *Хорошо тут, в Оракуле, тетка Кандида? Она снова остановилась, оперлась о швабру.* — **Как сказать...** Сытно тут, конечно, спору нет. Муторно — оно тоже. Да где не муторно? [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Человек по имени Беда (2004)]

Большой сдвиг неоднозначности в сторону отрицания возникает в употреблении формулы в ответ на оценочные высказывания (16) или предположения (17):

- (16) *Я дилетант, а ты художник настоящий.* — **Как сказать,** Владимир Иванович. Это материя тонкая-с. [Б. А. Садовской. Пшеница и плевелы (1936-1941) // «Новый Мир», 1993]
- (17) [Ольга] [(помолчав)] *Вам, вероятно, тоже трудно жилось?* [Люся]. **Как сказать.** Во-первых, я не одна была, многие люди очень обо мне заботились. Например, Архипов Никита Алексеевич. [А. Н. Арбузов. Годы странствий (1954)]

Это распространенный для русского языка переход: формулы с исходным значением сомнения, неоднозначности обсуждаемой темы, в контексте предположений и оценок становятся отрицанием: например, *(Это) как посмотреть,* *(Это) спорный вопрос,* *Кому как,* *Сложно / Трудно сказать.* В контексте общего вопроса они бы значили затруднение с ответом, отсутствие уверенности в собственной оценке

говорящего – а *трудно сказать* в таком значении способно даже реагировать на частные вопросы, что в принципе невозможно для отрицания:

- (18) *Сколько всё это продлится? — Трудно сказать. Месяц, два...*
[Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]

В ответ же на высказанные другим участником диалога предположение или оценку такие формулы переквалифицируются в «вежливое» отрицание. Отсутствие уверенности в том, что ответ – ‘да’, переходит в ‘нет’. И снова, как и в случае с мягким отрицанием *Я бы не сказал!*, выражение сомнения в чужих словах – более отрицательно, чем ответ на вопрос с неуверенностью в собственных.

При этом не все формулы из тех, что используются для обозначения затруднения при ответе на общий вопрос, способны к такому переходу. Есть по крайней мере одна группа таких формул – интенсивное указание на некомпетентность говорящего в обсуждаемом вопросе: *понятия не имею, (а) я откуда знаю, (а) я почему знаю* и т.д. Интенсивность в них сочетается с возмущением по отношению к собеседнику; говорящий выражает свое недовольство тем, что ему задают вопрос, ответить на который он заведомо не может. Возможно, именно этот компонент не позволяет таким формулам функционировать в качестве отрицания в контексте других речевых актов. Ср. ответ *не знаю* (а также *не знаю, не знаю*), который не содержит идеи недовольства и потому тоже развивает отрицательное употребление:

- (19) — *А мне до крайности не нравится вся эта затея, — злобно поглядывая на афишу сквозь роговые очки, ворчал Римский, — и вообще я удивляюсь, как ему разрешили это поставить! — Нет, Григорий Данилович, не скажи, это очень тонкий шаг. Тут вся соль в разоблачении. — Не знаю, не знаю, никакой тут соли нет, и всегда он придумает что-нибудь такое!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

Различия в значении формул, происходящих из близких источников

Следующая пара эквивалентов, о которых будет идти речь – формулы интенсивного отрицания: рус. *Где там!* и слов. *Кје ра!* (‘где

же'). Они обе представляют собой нестандартный случай прагматикализации отрицания из пространственного вопроса. Эта стратегия – общая для славянских языков (ср. пол. *Gdzie tam!*, укр. *Де там!*, *Де вже!*, *Де ж таки!*, *Де-де!*, бел. *Дзе там!*, чеш. *Kdepak!*, болг. *Откъде накъде*)⁶, но отсутствует, например, в английском, французском или итальянском. Вопрос о пространственном источнике движения (ср., например, польскую формулу отрицания *Ależ skąd* 'откуда вообще') кажется более естественным для отрицания и удивления (ср. также рус. *С чего вы взяли?*): говорящий интересуется, откуда у собеседника информация, на которой он основывает свою неверную, по мнению говорящего, позицию. Метафорическое значение источника информации откуда есть и вне конструкции (ср. *Откуда такая уверенность?*, также в словенском *Odkod (pa) veš?*, польском: *Skąd wiesz?* 'Откуда ты знаешь?'). Прагматикализация из вопроса о местонахождении устроена сложнее: здесь в сфере действия вопроса оказывается не внешний источник представлений говорящего, а сам предмет обсуждения. Это заметно в старых примерах типа, где говорящий повторяет предположение собеседника, Р и как будто спрашивает 'где там [можно увидеть] Р!':

- (20) — *Умер он, что ли? — Где там, матушка, умер?*
Притворяется, а сам как смехом не пырскнет. [Н. С. Лесков.
Старые годы в селе Плодомасове (1862)]

Примерно так же, как *С чего ты взял?* и *Где там?*, соотносятся источники отрицания *Ты ошибаешься* и *Это не так*: первое профилирует собеседника, а второе – предмет обсуждения.

Распределение русской и словенской формул по контекстам анкеты представлено в таблице 4.

⁶ Ср. также лит. *Kur tau!*

Фрейм	<i>Где там!</i>	<i>Кје ра!</i>
Опровержение Стимул: предположение Ответ: экспертное отрицание	56 %	69 %
Девалоризация Стимул: положительная оценка Ответ: отрицательная оценка	43 %	47 %
Защита Стимул: отрицательная оценка Ответ: положительная оценка	0 %	52 %
Экспертное отрицание Стимул: общий вопрос Ответ: экспертное отрицание	51 %	57 %
Возражение Стимул: предположение Ответ: предположение	31 %	69 %
Спекулятивное отрицание Стимул: вопрос Ответ: предположение	26 %	53 %

Таблица 4. Распределение формул *Где там!* и *Кје ра!* по фреймам анкеты, % выбравших формулу респондентов.

Как видно, *Кје ра!* в целом больше используется носителями словенского, чем *Где там!* – носителями русского. Кроме того, круг контекстов у *Кје ра!* намного шире: можно сказать, что она доминантна. Второе связано с первым: дело в том, что формула *Где там!* в русском языке выходит из употребления: по данным основного корпуса НКРЯ, пик его употребления приходится на 50-е годы 20 века (см. рисунок 1), современная же частотность (по газетному корпусу) очень низка – 0,02 i.p.m. С сокращением числа употреблений формула становится более узко специализированной, теряя не все значения сразу, а постепенно – так же, как это бывает с устаревающей лексикой. С формулой *Кје ра!*, по всей видимости, этот процесс еще не начался: она по-прежнему относительно частотна – 0,7 i.p.m. в словенском корпусе GigaFida.

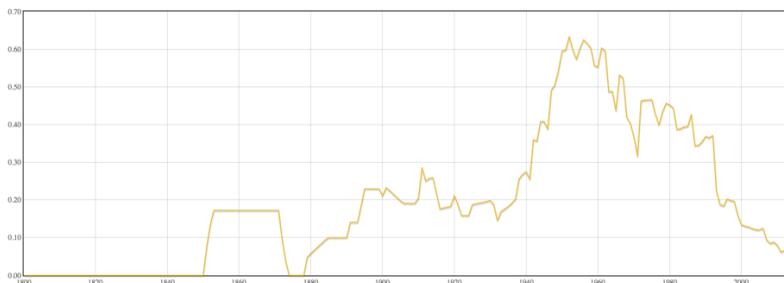

Рисунок 1. График изменения частотности вхождений формулы *Где там!* в основном подкорпусе НКРЯ, i.p.m., сглаживание 10.

Фреймы, в которых *Где там!* все еще может употребляться – экспертное отрицание в ответ на предположение (21) и вопрос (22). Она интенсифицирует отрицательный ответ за счет отрицательного оценочного компонента, представляя предположение собеседника чересчур оптимистичным.

- (21) *А мужики в Москву и Тулу на заработки ездят. - Большую деньгу зашибают? - Где там. Зять мой в столице тоннель строил. Платить перестали.* [После «Свадьбы» // Комсомольская правда, 2001.08.07]
- (22) *- Жалобу-то передали? - спрашиваю ее. - Где там! Наши бабий пикет милиция за ворота интерната затолкала.* [Путинские деревни // Комсомольская правда, 2002.11.19]

Именно этот отрицательный компонент обуславливает строгий запрет на употребление формулы в контексте речевого акта отрицательной оценки, потому что в этом фрейме формула отрицания должна выражать как раз положительную, «защищать» предмет нападок со стороны собеседника (ср. рус. *Ну почему же!*, которая маркирует этот фрейм). Формула *Kje pa!* равно способна реагировать на оба вида оценочных суждений (см. пример ответа на отрицательную оценку в 23) и, следовательно, внутри себя оценки не содержит.

- (23) » *Za živo glavo me nihče ne spravi v avto! Me je preveč strah nesreče! Tudi če se ne ubiješ, ti pusti travmo za vse življenje! <...>*
 » *Kje pa!* «» *Kje pa!* « *je zacingljala Marie - Claude, ki je kar cvetela.* » *Sama sem že doživela avtomobilsko nesrečo, in povem vam, da je bilo čudovito! Najlepše je bilo v bolnišnici.* [Милан

Кундера. Невыносимая легкость бытия]
*Я никогда не стал бы водить машину. Страшно боюсь аварии. Даже если не разобьешься насмерть, покалечишься на всю жизнь! <...> - **Выдумки!** / * **Где там!** - сказала Мария-Клод громким голосом. Она была в великолепной форме. - Я попала в тяжелую аварию, но это было прекрасно. Мне нигде не было так хорошо, как в клинике!* [Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия]

Формулы из разных источников, развившие общее значение

Наконец, в словенском и русском есть две формулы отрицания, пришедшие из разных источников и не имеющие полных когнатов во втором языке. Это – представители эпистемического отрицания, ***He думая!*** и ***Ni šans!*** ('нет шансов'). Их распределение по фреймам, основанное на результатах опроса, показано в таблице 5.

Фрейм	<i>He думая!</i>	<i>Ni šans!</i>
Опровержение Стимул: предположение Ответ: экспертное отрицание	20 %	39 %
Девалоризация Стимул: положительная оценка Ответ: отрицательная оценка	46 %	31 %
Защита Стимул: отрицательная оценка Ответ: положительная оценка	40 %	20 %
Экспертное отрицание Стимул: общий вопрос Ответ: экспертное отрицание	32 %	18 %
Возражение Стимул: предположение Ответ: предположение	83 %	59 %
Спекулятивное отрицание Стимул: вопрос Ответ: предположение	76 %	45 %

Таблица 5. Распределение формул *He думая!* и *Ni šans!* по фреймам анкеты, % выбравших формулу респондентов.

Обе формулы существенно предпочитают контексты, где говорящий в ответ на вопрос или предположение собеседника высказывает свою гипотезу. Самый высокий показатель в результатах опроса в обоих случаях – во фрейме неэкспертного возражения на предположение, прототипическим контекстом для которого является некоторый прогноз, как в 24 (о событии в будущем, если речь не идет о его собственных планах, говорящий по определению не может знать точно). В этом контексте говорящий, используя формулу, дает свою оценку вероятности того, что ситуация Р, о которой говорится в предположении собеседника, действительно наступит. В предположении собеседника тоже оценивается вероятность Р – как достаточно высокая, и отрицание в ответе реагирует именно на этот компонент. То есть, семантика формулы *He думая!* такова: ‘говорящий считает, что вероятность Р достаточно низкая’ – и поэтому формула неуместна в экспертных контекстах, где ему известно, Р или не Р (если Р градуальная, то есть еще вариант ‘не совсем Р’), и не приходится говорить о вероятности.

- (24) — *Он убьет его! — He думая. Но все же повелю своей старшей дружине прийти на площадь.* [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)]

Формула *Ni šans!* более категорична: в ней буквально утверждается, что вероятность не просто низка, но вовсе отсутствует по мнению говорящего. Вероятно, поэтому формула *Ni šans!*, по данным опрошенных носителей, возможна и во фрейме экспертного опровержения и в этом случае оказывается интенсивным отрицанием, как русское *Где там!* (во фрейме девалоризации у нее, пусть и не так радикально, как у *Где там!*, показатель ниже, чем во фрейме защиты, что ожидаемо, учитывая ее внутреннюю форму).

В словенском языке нет формулы **Ne mislim!*, поскольку эпистемическое *He думая, что Р* вместо *Думая, что не Р* – не свойственная словенскому языку конструкция (см. об этом Uhlik, Žele, 2018: 226):

- (25) *He думая, что эти правила все еще в действии.* [The Walking Dead]
Mislim, da ta pravila ne veljajo več. /?²Ne mislim, da ta pravila več veljajo. [The Walking Dead]

Возможно, в русском языке она была заимствовано из французского (26) или польского (27); первые ее вхождения в корпусе относятся ко второй половине 18-го века (28).

(26) – *Il va à Paris, dit la femme. – Je ne crois pas, dit le mari.* [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)]
– *Он едет в Париж, – сказала жена. – Не думаю, – возразил муж.* [Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)]

(27) – *Nie sądzę, ażeby wizyta pani u Kapucynów wpłynęła na przebieg licytacji- odpowiedzi znudzony adwokat.* [Bolesław Prus. Lalka (t. 2) (1887-1890)]
– *Не думаю, чтобы посещение Капуцинов повлияло на ход торгов, — отвечает скучающий адвокат.* [Болеслав Прус. Кукла (т. 2) (Н. Модзелевская, 1949)]

(28) *Друг. Если бы ты долготу и широту церкви измерил сажнем или веревкою, как тебе кажется, узнал ли ты меру ея? Клеона. Не думаю.* [Григорий Сковорода. Наркисс (1760-1769)]

Современное заимствование из английского, частично соответствующее по форме словенскому *Ni šans!* – (*Тут без шансов!* в принципе существует в русском языке, но крайне маргинально и имеет совсем другое употребление: вместо несогласия с собеседником оно выражает негативную оценку ситуации – как безысходной (29) и в этом качестве даже вполне могла бы использоваться в функции подтверждения, ср. смоделированный пример 30.

(29) *Ни крохи, ни капли. Ни по суду, ни по совести. Ни-че-го, Орлик! Тут без шансов!* [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)]

(30) *И что же, совсем нельзя ничего сделать? – Без шансов!*

Важно, что формула *Ni šans!* в качестве отрицания начала использоваться в словенском совсем недавно. Гораздо чаще она употребляется в функции отказа (как английское *Fat chance!*), см. пример 31, где в параллельном русском тексте используется *На за что!*.

- (31) - *Daj mi pismo. - Ni šans! Daj mi pismo, Pete!* [Frequently Asked Questions About Time Travel]
- *Дай мне письмо. Просто отдай. - Нем! Ну за что!*
[Frequently Asked Questions About Time Travel]

Поле отказа является **смежным** для поля отрицания, то есть, многие формулы отказа способны распространять свое употребление на поле отрицания и наоборот. Ср, например, русскую формулу *Еще чего!*, которая в основном используется для выражения несогласия выполнить просьбу, но может использоваться и как экспертный ответ на некоторые вопросы (см. 1-3).

Иногда, не проводя диахронического анализа употреблений, нельзя однозначно сказать, какое из значений – отрицание или отказ – для конкретной формулы первично. В том числе, говоря о формуле *Fat chance* только на основании ее внутренней структуры, невозможно утверждать, появились ли употребления отказа из эпистемических употреблений или наоборот. Однако поскольку *Ni šans* – недавнее заимствование и мы видим, что употребления в значении отказа для нее сейчас значительно преобладают, нет повода сомневаться в том, что в словенском языке направление перехода было именно из отказа в отрицание.

Эта цепочка переходов тем более интересна потому, что в английском языке формула *I don't think so!*, то есть, когнат русского *Не думаю*, несомненно принадлежащая полю отрицания, в данный момент развивает употребления в функции отказа на требование (32). Таким образом, она следует по тому же пути, что *Ni šans!*, но в обратную сторону, через оценку вероятности события в будущем распространяясь на поле отказа.

- (32) – *Now go get Williams. – I don't think so.* [Ghosts of Mars]
– *Приведи Уильямса. – И не подумай!*⁷. [Ghosts of Mars]

Итак, эти формулы пришли в общую зону с разных сторон. *Не думаю!* развивает эпистемическое значение, потому что в употреблениях *думать, что X*, из которых произошла формула, есть презумпция отсутствия знания, и из отсутствия знания получается оценка вероятности события. *Ni šans* уже исходно – категоричная

⁷ Между *Не думаю!* и *И не подумай!* наблюдается любопытное соотношение: первое может значить только отрицание, а второе – только отказ.

оценка вероятности наступления ситуации в будущем, и прототип такого категоричной оценки – отказ. Из него с одной стороны получается несогласие с предположением собеседника, а с другой стороны, за счет категоричности, – экспертное отрицание с добавочной имплицатурой, что ожидания собеседника нереалистичны.

Заключение

Целью данной статьи было показать возможные направления работы с дискурсивными формулами в родственных языках. Это поиск когнатов – то есть, формул, схожих и по внутренней форме и употреблению, выявление «ложных друзей переводчика» – то есть, формул, схожих по внутренней форме и существенно различающихся в употреблении и наконец, исследование таких переводных эквивалентов, которые происходят из принципиально разных композиционных источников. На данных словенского и русского удалось обнаружить примеры на каждый из этих случаев, что говорит о том, что сравнение этого материала в двух родственных языках имеет смысл и что применяемая нами методика для этого подходит.

Литература / References

- Бычкова, Полина. (2020). Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе. *Jezikoslovni zapiski*, 27/2. (в печати) [Bučkova, Polina. (2020). Diskursivnye formuly podtverždenija v tipologiĉeskoj perspektive. *Jezikoslovni zapiski*, 27/2 (In press).]
- Плунгян, Владимир А., Пужаева, Светлана Ю., Рахилина, Екатерина В. (2019). «Об этом рано говорить...». *Сборник статей к 85-летию В.С. Храковского* / Под общ. ред.: Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. Москва: Издательский дом ЯСК, 448–462. [Plungjan, Vladimir A., Pužaeva, Svetlana Ju., Rahilina, Ekaterina V. (2019). «Ob ètom rano govorit'...». *Sbornik statej k 85-letiju V.S. Hrakovskogo* / Pod obšč. red.: D. V. Gerasimov, S. Ju. Dmitrenko, N. M. Zaika. Moskva: Izdatel'skij dom JaSK, 448–462.]
- Жукова, Светлана Ю., Орехов, Борис В., Рахилина, Екатерина В. (2019). Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход. *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова* 21. 142–164. [Žukova, Svetlana Ju., Orehov, Boris V., Rahilina, Ekaterina V. (2019). Diskursivnye formuly russkogo jazyka: diahroničeskij podhod. *Trudy instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 21. 142–164.]
- Пужаева, Светлана Ю. и др. (2018). Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке. *Вестник Новосибирского*

- государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 16/2. [Pužava, Svetlana Ju. i dr. (2018). Avtomatičeskoe izvlečenje diskursivnyh formul iz tekstov na ruskom jazyke. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija, 16/2.]
- Рахилина, Екатерина В., Резникова, Татьяна И. (2013). Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, (2), 3–31. [Rahilina, Ekaterina V., Reznikova, Tat'jana I. (2013). Frejmovyj podhod k leksičeskoj tipologii. *Voprosy jazykoznanija*, 2. 3–31.]
- Шаронов, Игорь А. (2018). Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 51. 58–68. [Šaronov, Igor' A. (2018). Semantičeskie i pragmatičeskie aspekty opisanija vvodnyh slov i kommunikativov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 51. 58–68.]
- Coulmas, Florian (ed.). (1981). *Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech* (Vol. 96). Rasmus Rask Studies in Pragmatic Linguistics. The Hague: Mouton, 1981.
- Degand, Liesbeth, Evers-Vermeul, Jacqueline. (2015). Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers?: More than a terminological issue. *Journal of Historical Pragmatics*, 16/1. 59–85.
- Diewald, Gabriele. (2011). Grammaticalization and pragmaticalization. *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Fillmore, Charles J., Kay, Patrick, O'Connor, Mary C. (1988). Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*, 64/3. 501–538.
- Fillmore, Charles J. (2006). Frame semantics. *Cognitive linguistics: Basic readings*, 34. Berlin: De Gruyter. 373–400.
- Heine, Bernard, Kuteva, Tatiana. (2002). *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jakop, Nataša. (2006). *Pragmatična frazeologija*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Janda, Laura A. et al. (2018). A constructicon for Russian. *Constructicography, Construction development across languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 165–182.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria, Rakhilina, Ekaterina, Vanhove, Martin. (2016). The semantics of lexical typology. *The Routledge Handbook of Semantics*. Routledge Handbooks in Linguistics. London, New York: Routledge, 434–454.
- Rakhilina, Ekaterina, Uhlik, Mladen. (2021). Construction Grammar and Slavic. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics*. Leiden: Brill Publishers (In press)
- Sorjonen, Maria L. (2001). *Responding in conversation: A study of response particles in Finnish*. Vol. 70. Amsterdam, New York: John Benjamins Publishing.
- Uhlik, Mladen, Žele, Andrea. (2018). Predmetni da-odvisniki v slovensko-ruski sopostavitvi. *Slavistična revija*, 66/2. 213–233.
- Wierzbicka, Anna. (1985). A Semantic Metalanguage for a Crosscultural Comparison of Speech Acts & Speech Genres. *Language in Society*, 14. 491–519.

- Wierzbicka, Anna. (1987). *English speech act verbs: A semantic dictionary*. Sidney: Academic Press.
- Zalizniak, Anna A. (2018). The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*, 22/4. 770–787.

Ресурсы / Sources

- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). [Nacional'nyj korpus ruskogo jazyka (NKRJa)]. Available at <http://www.ruscorpora.ru/old/> (accessed 30. 05. 2020)
- GigaFida — GigaFida, korpusna besedilna zbirka. Available at <http://www.gigafida.net> (accessed 30. 05. 2020)
- InterCorp-12 – A multilingual parallel corpus. Available at <http://www.korpus.cz> (accessed 30. 05. 2020)